

Николай Лесков

**С людьми древнего
благочестия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.**
С людьми древнего благочестия / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-2304-7

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "станы". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2304-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Семенович Лесков
С ЛЮДЬМИ ДРЕВЛЕГО
БЛАГОЧЕСТИЯ

(Первое письмо к редактору «Библиотеки» для чтения»)

Много лет кряду все русские писатели, занимавшиеся историею раскола и сочинениями по части его обличения, были согласны между собою в том, что раскол есть религиозное заблуждение, и ничего более. Только очень немногие из них видели в расколе, кроме оппозиции никоновским церковным нововведениям, оппозицию и административным реформам, начавшимся в России со времени первого императора. Писателей, рассматривавших раскол таким образом, нельзя упрекнуть в особенной снисходительности к заблуждениям, которые они обличали. Все они относились к расколу более или менее сурово и поддерживали довольно всеобщее у нас убеждение о необходимости искоренения раскола, как в интересах господствующей церкви, так даже и в интересах государства. Но последнее положение в печати обыкновенно доказывалось гораздо небрежнее и слабее, чем первое. Зато оно прилежно доказывалось и подкреплялось разными доводами у авторов, сочинения которых по этой части мирно покоятся в рукописях на полках многочисленных русских архивов. Это и совершенно понятно, если припомним себе, кто были авторы тех и других сочинений и какие интересы они преследовали, преследуя «двухвековое озлобление части народа против духовенства и административных реформ». У каждого барона была своя фантазия.

С относительным облегчением условий русской прессы, в русской литературе стали проводиться совершенно иные воззрения на причины появления раскола и на его современное значение. Эта перемена в воззрениях происходила одновременно с неудержимым величанием русской народности, сохраненной только в среде сельского населения, не зараженного тлетворным дыханием западной цивилизации. В это же время некоторые писатели, не подчиненные внутренним цензурным условиям, старались возвести раскол на степень политической партии, готовой поставить твердую оппозицию самодержавному правительству в России. Старые авторы сочинений, напечатанных о расколе до этого поворота, приумолкли и или вовсе не печатали сочинений в прежнем духе, или только изредка откликались мелкими заметками в том или другом духовном периодическом издании. Труды авторов, сочинения которых до сих пор не выйдут никуда за двери архивов во все продолжение этого времени, нам очень мало известны; но в тех из них, о которых мы что-нибудь знаем, стал тоже замечаться некоторый поворот к «современному штылю», как выражается один ученый член российской ученой академии. Новые же писатели, мнения которых были доступны всем потребителям русской периодической прессы, стали толковать раскол по-иному. Они не только смеялись над узостью горизонта людей, изыскавших раскол одним религиозным упрямством, но выясняли в расколе весьма сильные политические тенденции и, насколько им позволяли обстоятельства, убеждали общество искать у раскола доверия и дорожить им, как бесценным оружием, выкованным с такою крепостью, что ему ничто противостоять не может. Из старых писателей о расколе последнему мнению стал противоречить П. И. Мельников в своих «Письмах о расколе». Мнения г. Мельникова некоторыми органами русской журналистики были названы отсталыми, пристрастными и

даже еще хуже. Доказывалось, что г. Мельников вовсе не знаток раскола, что все его знание держится на какой-нибудь «Пращице» и чиновничьих наблюдениях. Обруганным мнениям г. Мельникова противопоставлялись мнения г. Щапова, видевшего в расколе совсем не то, что видел г. Мельников. Полемика, возникавшая по этому поводу, выдвинула на позорище несколько странных и не совсем понятных намеков, которые были направлены более против личности автора «Писем о расколе», чем против достоверности его выводов. Между тем как русские сатирики и публицисты трудились над этим делом, в решение спора о политическом значении раскола вмешалась Литва и Польша. В ряду многих вопросов, вовсе незначай решенных польским вопросом, вопрос о политическом характере раскола решен едва ли не самым положительным и безапелляционным образом.

Во всем, что я буду писать далее, нет никакого основания видеть во мне исключительного сторонника того или другого из двух последних воззрений на раскол, решенных для нас польским восстанием. Такое положение совершенно противно моей натуре, не отвечает современным обстоятельствам и вовсе неудобно для моей цели.

Я полагаю, я даже уверен, что придет, и скоро придет время, когда можно будет доказать и г. Мельникову, и г. Щапову, что каждый из них частию прав, но что ни тот, ни другой из них не сказал абсолютной истины, и что между двумя их крайними мнениями есть еще одно среднее, может быть, самое близкое к этой истине. Теперь же пока еще это время не настало, а предупреждать времена иногда значит подставлять им ногу.

Не менее всего в настоящем случае меня освобождает от всяких полемических поползновений самая программа, придерживаясь которой я намерен писать обещанные вам письма о моем житье с людьми древнего благочестия. Вследствие особенно выгодных условий, в которых я прожил минувшее лето в самой лучшей и самой благоустроенной раскольничьей общине, в Остзейском крае, я имел возможность близко познакомиться с домашнею жизнью раскольников, их общинным управлением, общественным хозяйством и церковным, монастырским уставом. Я буду говорить обо всем этом нисколько не стесняясь, насколько виденное и слышанное мною подходит к соображениям г. Мельникова и его литературных друзей, поддерживавших его в шаловливо-ветреной «Северной пчеле», или к выводам г. Щапова и его литературных друзей, поддерживавших его выводы в серьезно-либеральной газете «Современное слово». Я даже имею в виду совсем не тех читателей, у которых доставало терпения следить за ходом литературного турнира слишком нерешительных мельницистов с слишком решительными шапистами. Очень может статься, что мои читатели будут исключительно из разряда читателей самых нетерпеливых, разряда, приводившего некогда в ярость и отчаяние московский «орган женского ума» своею неисправимою страстью «ко всему такому легонькому». Но я этим нисколько не намерен оскорбляться и вперед утешаю их, что они не услышат от меня никаких темных намеков, мало доступных людям, не посвященным в так называемые направления наших литературных кружков. Я полагаю, что мне только придется, может быть, перемолвиться несколькими словами с автором «Истории Преображенского кладбища» по поводу его взгляда на раскольничью педагогию да с г. Аристовым насчет некоторых его выводов по предмету устройства раскольничьих общин, о котором он писал в вашем же журнале. И то я вовсе не вижу необходимости спорить ни с тем, ни

с другим из этих авторов, а только возьму некоторые из их показаний и, сопоставив их с ныне существующею действительностью, постараюсь показать, что не всегда удобно судить о том, что ныне есть, по тому, чем оно было двести лет назад. Это я считаю себя обязанным сделать не в видах опровержения сказанного автором «Истории Преображенского кладбища» и г. Аристовым, ибо я не сомневаюсь, что они вполне добросовестно обращались с бывшими в их руках материалами и пришли к своим заключениям путем совершенно логическим, а только для того, чтобы с своей стороны как можно добросовестнее поступить с материалами, находящимися теперь в моих руках. Материалы эти дают мне средства показать публике, что как ни драгоценны выводы писателей, трудившихся над исследованием духа и направления раскола по документам, лежавшим до недавнего времени под густыми слоями архивной пыли, выводов этих часто невозможно прилагать к определению современной жизни раскольничьих общин. Автор «Истории Преображенского кладбища» и г. Аристов, может быть, нимало не погрешают, воскрешая по старым документам жизнь общин, существующих по имени и до днешнего дня; но кто захочет судить по этим описаниям о нынешней жизни раскольничьих общин, тот не может не впасть в великую погрешность. Сведений о жизни раскола, особенно о его современной жизни, у нас так мало, что в этих погрешениях нимало не будут виноваты названные мною авторы, может быть, весьма верно воспроизведшие эпоху, пережитую расколом, но тем не менее, познакомясь с современной жизнью и распорядками единственной раскольничьей общины, поистине чудесным образом сохранившей в известной степени старинную форму общинного устройства, я считаю себя обязанным рассказать об этих распорядках, нарочно останавливаясь на том, что в них противоречит выводам г. Аристова и автора «Истории Преображенского кладбища». Люди, знакомые с предметом, может быть, найдут в моих письмах сведения, хотя мало-мальски способные указать изменения, происшедшие в нравах и обычаях раскольничьих общин даже там, где общинность не совсем утратила свое значение, а только изменила характер. Для людей, интересующихся этим вопросом, мои сведения могут быть тем интереснее, что они собраны в общине самой самостоятельной в целой империи и притом в общине, о которой, если не ошибаюсь, до сих пор никто не писал и в которой, по показанию стариков, никогда никто из пишущей братии не был. Увлечаться же какими бы то ни было пристрастиями, по предубеждению или личным симпатиям, я вообще мало способен и к тому же, хотя в этой общине действительно не бывал ни один из людей, подвизающихся в нашей литературе, но все-таки у меня есть контролер такой ядовитый, такой шафранно-желчный, что если бы я был пристрастнее самого пристрастного из сотрудников русских сатирических изданий, то и тогда не решился бы покривить моею душою и пером.

Это я говорю, думая в настоящее время о людях, следящих за накоплением материалов о расколе; для прочих же читателей я буду просто вести рассказ о том, как живут люди древнего благочестия.

Имея в виду читателей этого сорта, я прошу у них терпения только на пять минут, нужных для того, чтобы пробежать полсотни строк, которые, по моим соображениям, совершенно необходимо написать прежде начала описания моего жития с людьми древнего благочестия.

Понятия публики о расколе гораздо темнее заповедного мачтового леса

Пензенской губернии, из которого мой дядя некогда покупал дрова по одному рублю серебром за кубическую сажень. Во время прежнего единомыслия о значении и характере раскола просвещенная русская публика считала раскол невежественным заблуждением упрямых фанатиков и ничем более.

В дни споров, происходивших в русской литературе о том, кто вернее понимает раскол: г. Мельников с товарищами или г. Щапов с своими товарищами, часть публики, наиболее скептическая, недоумевала, что бы это за притчи такие ей стали рассказывать, а другая часть, более легковверная и желавшая видеть в раскольничьем фанатизме только ширмы, за которыми сидит скованная могучая идея, ожидающая случая разорвать свои двухвековые цепи, — эта часть публики стала считать раскол силой. После же того, как белокриницкий раскольничий митрополит Кирилл, а вслед за ним польские косьонеры помогли русским литераторам разрешить долго путавший их вопрос о том, что такое раскол и что сделают в данном положении государства раскольники? — скептики сказали: «Ну вот! все это был вздор, так и должно было ожидать», а легковверные ничего не сказали. Сила оказалась на стороне силы.

Таково преимущественно мнение публики о значении раскола и его характере. О подразделениях же того, что называется общим именем раскола, несмотря на все до сих пор написанное о расколе, публика, за весьма редким исключением, ничего не знает и долго еще знать не будет, потому что ей заниматься такими вещами скучно, потому что она публика милая, веселая и образованная и хочет читать только известные хорошие книжки или еще охотнее хочет ничего не читать. Некогда ей, занята она по горло словоизвержением и ничегонеделанием.

Если бы в некотором кружке не разнесся неблагоприятный слух, что Д. Е. Кожанчиков, после издания истории греческого восстания, написанной с неотразимой прелестью московским ученым Феоктистовым, не дал торжественного заклатья не издавать более без разбора исторических сочинений наших историков, то я бы непременно дерзнул написать историю раскола. Но как слух, разнесшийся насчет резкой перемены в нраве г. Кожанчикова после издания вышеупомянутой исторической монографии, убивает во мне всякую предприимчивость, то я отлагаю мое намерение до тех пор, пока г. Феоктистов нападет на другого издателя, столь же неразборчивого, как г. Кожанчиков, и таким образом покажет новое место, через которое можно валить всякий сор в русскую публику. До этого же блаженного, но весьма сомнительного времени мне предстоит подвиг особенно трудный. Я должен рассказать главнейшие подразделения раскола тем из моих читателей, которые этого не знают, в столь сжатой форме, чтобы не измучить этим читателей, у которых есть готовые понятия при одном слове: поморство, федосеевщина, филипповщина, дяконовщина, странники, духовные христиане, Аристово согласие, иконоборцы и т. п.

При совершенном непонимании нашим обществом сущности русского религиозного разномыслия, у нас существуют два главные представления о расколе. Для одних все, что при русском происхождении не признает авторитета господствующей церкви, есть раскол, и раскол совершенно однокачественный. Другие же уверены, что видов русского раскола неисчислимое множество, и самые умеренные из людей, держащихся этого мнения, полагают, что раскол имеет по крайней мере до ста одиннадцати сект.

Ближайшее изучение раскола показывает, что оба эти мнения совершенно

неосновательны. Кроме того, изучение характера русского религиозного разномыслия показывает также, что люди, держащиеся в отношении раскола двух вышеприведенных мнений, считают в числе раскольников, впадших в разномыслие с господствующей церковью, сектаторов, вовсе не принимающих Никейского символа веры и потому самую церковь называемых не раскольниками, а еретиками.

Раскол велик, и подразделений его действительно не мало. Начало религиозного разномыслия в России восходит до времен великого князя Владимира. Лет через шестнадцать после крещения Руси в Киеве уже была известна секта христовщины (нынче хлысты). В Густынской летописи есть свидетельство, что в 1507 году секта эта распространялась уже по Польше и Силезии. При Иване Васильевиче III, Дмитрии Донском и царе Алексее Михайловиче уже было известно несколько сект. Церковные реформы Никона и правительственные реформы Петра дали новую пищу религиозным и политическим разномыслиям русского народа, вызвали раскол к твердой оппозиции нововведениям и дали ему средства быстро распространяться, опираясь на консервативные стремления народа. С этих пор начинается борьба правительства и церкви с расколом, и с этих же пор начинается изучение раскола, до такой степени неудачное, что до сих пор мы не имеем верной, полной, но не сочиненной классификации раскола.

До XVIII столетия вовсе не разделяли раскольников на разряды, толки и согласия, и всех русских людей, разномыслящих с господствующей церковью, называли общим именем раскольников. Первое распределение раскольников по сектам появилось в первый раз в «Розыске» св. Димитрия Ростовского. Но видно, что подразделения эти были очень неясны для самого святителя, который, впрочем, писал по сведениям строителя Спасораевской пустыни Иоасафа, ярославца Петра Ермилова, старца Борисоглебского монастыря Андроника и Пахомия с Керженца. По двум спискам, составленным с чужих слов, у него значатся: 1) христовщина, 2) иконоборщина, 3) поповщина, 4) беспоповщина, 5) чувственники, 6) кривотолки, 7) ануфриевщина, 8) аввакумовщина, 9) ефросиниевщина, 10) иосифовщина, 11) калиновщина, 12) киприяновщина, 13) илларионовщина, 14) серапионовщина (или морельщики), 15) козьминщина, 16) волосатовщина (или сожигатели), 17) исаковщина, 18) стефановщина, 19) сожигатели, 20) морельщики, 21) федосеевщина, 22) ефремовщина, 23) иаковщина, 24) субботники, 25) подрешетники (или капитоны), 26) андреевщина, 27) рогожники (или рубищники), 28) павлиновщина и 29) андреяновщина.

Димитрий Ростовский, исчислив эти 29 различных согласий раскола, сознавал, что здесь еще не весь раскол. «Дела расколическая злая яве, творимая в противность церкви святой, якоже о тех доносится нам, суть неисчетна, о них же подробну писати и глаголати невозможно, разве знатнейшия зде предложим», говорит он в своем знаменитом «Розыске», по поводу которого г. Мельников бросает на деятельность Димитрия совсем не тот свет, в котором эту деятельность представляют некоторые другие писатели. Митрополит же Игнатий просто говорит, что «и начаша мнози ереси быти и кийжда бяше от них своя нововымышленныя ереси начальник».

Но и ростовский митрополит, первый писавший о подразделениях раскола, уже впал в ошибки, считая, например, серапионовщину и волосатовщину особыми сектами от морельщиков и сожигателей, и потом вовсе не дал никаких

понятий о духе этих сект. Позже вышли наружу нетовщина, перекрещеванцы, дяконовщина, никитовщина, капитоновщина, богумилы, титловщина, филипповщина, расстриговщина, самокрещенцы, гробополагатели, кадилники, детоубиватели, самостригальницы, пасховерцы, мессолиане и др. Даже и до сих пор едва ли кто-нибудь имеет право сказать, что ему известны все виды религиозного разномыслия русского народа. Я знаю, что ни г. Мельников, ни г. Аристов или г. Щапов не берут на себя такой смелости, а довольно недавняя история с сопелковским согласием странников убеждает, что и само правительство, при всей громадности своих средств, очень поздно узнает о появлении новых, самых странных и характерных сект. Еще более в этом легко убедиться «обходя страны», ибо, при скитальчествах, по-между живым расколом случается набредать на явления новые, нигде никем не записанные и несомненно составляющие раскол в самом расколе. Прежние исследователи раскола, зная названия сект, вовсе не знали их духа, путали их и путались в них сами. В девяностых годах XVIII столетия охтенский протоиерей Андрей Иванов Журавлев (бывший раскольник), по желанию кн<язя> Потемкина-Таврического, составил первую, сколько-нибудь толковую классификацию раскола, распределив все известные толки на поповщину и беспоповщину. Потом, держась журавлевского метода, раскол был несколько раз классифицирован и светскими, и духовными властями, и независимыми писателями, но еще в 1862 году П. И. Мельников, обсуждая достоинства сделанных в разное время подразделений раскола, нашел все их весьма неудовлетворительными и ясно указал их недостатки и промахи. Мне кажется, что для людей, не поставляющих себе задачею близкое изучение раскола, для некоторого понятия о нем можно принять мельниковское деление на раскол поповщинский (подцерковники), раскол беспоповщинский и ереси, не имеющие ничего общего с господствующей церковью. Раскол поповщинский и беспоповщинский принимает Никейский символ и признает все семь таинств необходимыми для полной «жизни по вере», но как поповщина тем или другим путем принимает себе тех или других попов и содержит священство, то все семь таинств совершаются только у нее. Это и есть подцерковники, весьма близко подходящие к церкви, и для признания их не расколом нужно только признать их попов попами, а церкви церквями. Беспоповцы (множество подразделений), считая преемственную благодать рукоположения исчезнушею, и хотя по принципу признают необходимость духовенства и всех семи таинств, но не принимают священства именно потому, что благодать рукоположения исчезла и нет преемственности; стало быть, негде достать священства, а потому нельзя совершать и таинств; и наконец еретики, не только вовсе не признающие необходимости священства и никаких таинств, но и не исповедующие Никейского символа 325 года. К последнему разряду относится и древнейшая христовщина, или хлыстовщина, молоканы, или духовные христиане, и духоборцы и многие другие, признаваемые правительством за секты «особенно вредные».

Отношение еретиков и раскольников к православию, по-моему, также весьма правильно очерчено Мельниковым в его пятом письме (стр. 94). Он говорит: «Раскольники смотрят на господствующую церковь с горьким, враждебным чувством, как на изменилицу своим древним правилам и уставам, как на разорвавшую свои связи общения. Между тем еретики видят в учении господствующей церкви совершенно чуждое для них учение, столь же чуждое, как католичество или

протестантство. Некоторые же из них идут далее и смотрят на православную церковь совершенно одинаково, как на иудейство, магометанство и идолопоклонничество».

Правительство в своих воззрениях на раскол делит его так же. Я не хочу говорить о прошедшем, хотя бы и очень недавно прошедшем времени, в котором правительство очень ошибалось в своих отношениях к расколу, по степеням его мнимой вредности или безвредности; но в наши дни оно относится к поповцам гораздо снисходительнее, чем к беспоповцам, а к беспоповцам снисходительнее, чем к еретикам, хотя теперь и против последних уже не в ходу прежние суровые меры.

В отношении беспоповцев (людей, которыми я буду исключительно заниматься в моих письмах) наблюдается два подразделения. Большею благосклонностью пользуются беспоповцы, приемлющие браки и молящиеся за власть (поморское согласие), и гораздо меньшею беспоповцы, не приемлющие браков как таинства и «не молящиеся за правительство и государя» (например, вся, чрезвычайно распространенная, секта федосеевщины). Г. Мельников замечает, что беспоповцы, приемлющие браки, но не молящиеся за власть и молящиеся за власть, но не приемлющие браков, при этом разделении совершенно забыты. Это совершенно справедливо. На эти подразделения не только правительство не обратило никакого внимания, но и многие писатели о расколе их словно не знают, тогда как эти уклонения от принципов двух главных беспоповщинских согласий встречаются довольно нередко.

Говорят, что Н. Я. Аристов трудится над составлением полного, систематического описания русского религиозного разномыслия до мельчайших из известных его подразделений и снабдит свое сочинение наглядною схемою, способною облегчить изучение этой классификации. Если это правда и если у г. Аристова достанет средств совершить задуманный или уже предпринятый им труд, то он сделает огромную заслугу, от которой неизвестно почему-то уклонился г. Мельников. Указав в пятом письме о «расколе» погрешности, вкравшиеся у всех, делавших до сих пор опыты классифицирования раскола, он сказал, что кроме видов религиозного разномыслия, исчисленных у того-то и у того-то, есть еще такие-то и такие-то, и другие, но сам не написал никакого систематического списка, которого от него многие ожидали, особенно с третьего письма. Почему г. Мельников не поделился с обществом своими сведениями, в которых у него, кажется, нет недостатка, до сих пор не известно, хотя совершенно ясно, что никакие от него не зависящие обстоятельства ему поперек дороги не стояли, а сам он в одном месте своих писем весьма иронически относится к статье закона, где сказано: «и другие вообще последователи сект, признанных особенно вредными». Следовательно, г. Мельников сознавал, что нельзя писать «и другие», что это неудобно, что это сбивает читателя, а сам тоже окончил дело в роде этого. Г. Аристов совершенно кстати и вовремя задумал заняться и систематизированием русского религиозного разномыслия, и вспомогательною схемою. Такой труд решительно необходим в настоящее время, и если Н. Я. Аристов при исполнении его впадет в некоторые небольшие или даже и большие погрешности, то все-таки он даст сильный толчок делу. Соберутся замечания, указания, поправки, и вскоре станет наконец возможным издание полное и дающее ясное понятие о современном подразделении русского религиозного разномыслия по тем сведе-

ниям, которые имеет весьма ограниченное число литераторов, занимающихся вопросом о расколе. Хотелось бы видеть этот труд оконченным как можно скорее. Он будет особенно дорог как в интересах науки, так и в интересах правительства, которое несомненно сознает ныне надобность иметь верное понятие о том, что смутно понимается под общим словом «раскол». Без подобного вспомогательного пособия не только чиновники, люди, положительно не имеющие никаких, хотя мало-мальски к чему-нибудь годных познаний о расколе, но и то ограниченное число литераторов, которые кое-чему повыучились, возясь в последнее время с раскольничьей литературой, будут весьма часто находиться в очень затруднительном положении при всякой работе по вопросам, касающимся раскола, особенно при встречах с живым расколом. Я испытал это между прочим на себе в последний мой поход к людям древнего благочестия, о котором собственно теперь начинается мой рассказ.

ПЕТЕРБУРГ И ПЕРВЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ ВЫУЧЕННОГО С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Представлялось нужным определить состояние раскольничьей педагогики в наиболее самостоятельной общине. Лично мне желалось ближе подойти к современному раскольническому общинно-хозяйственному управлению, о котором толкуется все на основании давно бывшего, а одна поморская община, получающая новую организацию, спала и видела устроиться так, как живут благоденствующие федосеевцы, издавна поселенные в остзейском крае и преимущественно в городе Риге.

С нынешней весны, то есть со времени, в которое во многих дезорганизованных раскольничьих общинах стали определеннее выражаться стремления к более или менее правильному устройству, рижская федосеевская община получила новый и огромный интерес для русского раскола.

У русских раскольников, имеющих некоторое понятие о рижской общине беспоповцев, община эта представляется идеалом всестороннего благоустройства и желанной свободы.

Из раскольников ближе всех знакомы с рижскою общиною московские федосеевцы и беспоповцы поморского согласия, рассеянные по северо-западному краю России, Литве и Царству Польскому.

Общее желание раскольников устроиться во всех частях своего общественного быта по рижскому образцу рождает огромный интерес к ближайшему изучению этой общины, возбуждающей всеобщую зависть.

Известно, что начало систематическому воспитанию малолетних раскольников в общественных школах положено московским купцом Ильею Васильевичем Ковылиным в первой четверти текущего столетия. Из «Истории Преображенского кладбища в Москве» мы знаем, что в одном из зданий этого кладбища было устроено Ковылиным училище, где мальчики с бойкими способностями обучались чтению и письму церковному под руководством наставника Осипова. Потом очередные наставники толковали им катехизис. Образование заканчивалось изучением главных пунктов отличия федосеевского учения от учения православной церкви.